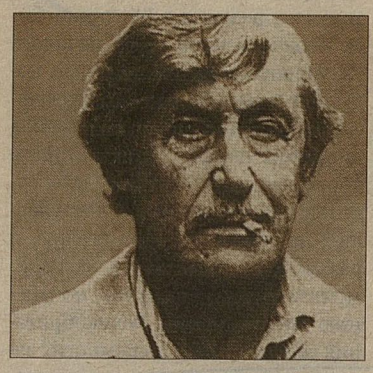
НЕИЗВЕСТНЫЙ ОЧЕРК ИЗВЕСТНОГО ПИСАТЕЛЯ ЗАСТАВЛЯЕТ ПО-НОВОМУ ВЗГЛЯНУТЬ НА ТРАГИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ ЛЕТА 1942 ГОДА

ПУБЛИКАЦИЯ

Александр ПАРНИС

Не сдержал слова

В Музее Михаила Булгакова в Киеве открыта выставка, посвященная писателю Виктору Некрасову, уроженцу Киева, автору знаменитой книги «В окопах Сталинграда». Когда-то Сталин нежданно-негаданно защитил автора этой повести от нападок критики, обвинявшей его в «ползучем реализме», «ремаркизме» и «пацифизме», и присудил ему премию собственного имени. В 1981 г., находясь в эмиграции, Некрасов подготовил для издательства «Посев» новое издание «В окопах Сталинграда», в которое внес стилистическую и смысловую правку, сделал отдельные купюры, вставил новый фрагмент в семнадцатую главу второй части повести. Несомненно, авторскую волю писателя следует учитывать при переиздании повести. Между тем все 8 изданий к юбилею Победы вышли в старой редакции. И только на днях в издательстве «Прогресс-Плеяда» повесть напечатана по последнему прижизненному изданию.



Виктор Некрасов

В парижской квартире Некрасова «В окопах Сталинграда» на русском и других языках занимают три полки. Ему нравился литературный анекдот конца 70-х: «Вопрос анкеты: что вы делали, когда шла битва за Малую Землю? Небось, отсиживались в окопах Сталинграда?» Он сказал тогда: «Для русского писателя попасть в анекдот — счастье».

На днях я посетил Музей истории Великой Отечественной войны, который находится рядом с Киево-Печерской лаврой. Меня поразило, что в экспозиции, посвященной Сталинграду, не оказалось ни одного документа, связанного с автором «Окопов», «оттрубившим весь Сталинград от первого до последнего дня».

После долгих расспросов сотрудников музея удалось выяснить, что в музее есть какие-то документы и даже книги Некрасова, но они почему-то находятся в фондах, а не в экспозиции. Незадолго до отъезда Некрасова ему позвонила одна из сотрудниц Музея истории Великой Отечественной войны, сказала, что готовится новая экспозиция, и она хотела бы поговорить с ним о Сталинграде, получить материалы для экспозиции. Писатель пригласил ее в гости. Как только она повесила трубку, раздался новый звонок, и кто-то строгим голосом посоветовал ей ничего не делать и «забыть» об этом разговоре.

Находясь в эмиграции и путешествуя по Германии, это было за полтора года до смерти, Некрасов посетил какой-то военный музей в маленьком городке и написал о нем статью «В музее бывшего врага». Эту статью он закончил словами: «Долго, долго я ходил по этим залам. Разглядывал, присматривался и думал… Много было дум и давно передуманных, и только что возникших, но главная была среди них та, что с немцами я когда-то воевал, а вот сейчас свободно разъезжаю на «Опеле» по их стране и не чувствую себя среди врагов. А на Мамаевом кургане и в Музее Сталинградской славы, возле разбомбленной мельницы мне никогда не бывать — вход посторонним воспрещен».

Когда-то Некрасов сказал, что он больше не будет писать о Сталинграде, тем не менее в 1982 — 1983 гг. написал цикл, состоявший из семи очерков. В них снова и снова возвращался к событиям тех страшных пяти месяцев, которые он провел в окопах. Этот цикл три раза печатался в книгах Некрасова, изданных в Москве и Екатеринбурге, но первая статья «Сталинград, август 1942 года» почему-то не вошла в опубликованный цикл. Между тем это важная статья, в ней речь идет о первой массированной бомбежке Сталинграда 23 августа 1942 года, когда город был фактически уничтожен. Сегодня представляем читателю возможность познакомиться с этим очерком. ■

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Виктор НЕКРАСОВ

Сталинград, август 1942 года

С тех пор прошло 40 лет. Больше половины моей жизни. Тогда мне был 31 год, сейчас чуть побольше. И как положено всем ветеранам всех войн, предаюсь сейчас воспоминаниям.

Был я тогда старшим лейтенантом, начальником, иными словами, начальником инженерной службы, что звучало куда значительнее, чем полковой инженер 850-го стрелкового полка. Номер дивизии, к стыду своему, забыл. Армия — 38-я.

Полк наш в составе этой армии безуспешно пытался овладеть населенным пунктом Терновая во время неудачного майского, так называемого Тимошенковского, наступления на Харьков, потом какое-то время держал оборону на рубеже реки Оскол, а в первых числах июля начал отход, как называлась эта операция в штабных донесениях. Мы же называли это «драпом».

Без малого пятьсот километров – то на подводах, то на попутных машинах, а в основном на своих двоих – месили мы дорожную грязь, ругая на чем свет стоит немцев, догонявших нас сзади, начальство, неизвестно куда девшееся, а главное, безнадежность всего происходящего и полную свою беспомощность.

Степь, жара, пыль, ревущие деревенские бабы, то и дело налетающие «мессера» — мы врассыпную — потом опять жара, пыль, натертые ноги, а идти еще Бог знает сколько… Где штаб армии, так и не удалось узнать до самого Сталинграда.

Сталинград показался глубоким тылом. Живут себе люди: как ни в чем не бывало ходят на работу, по вечерам – в кино. На базаре полно овощей — помидоры, огурцы, дыни, арбузы…

Девушки в светлых платьицах, губки накрашены — и где это только помаду достают, по ночам жмутся с парнями в худосочных скверах.

Устроился я, как говорится, на частной квартире. Уютный домик с верандой, увитой виноградом. Милейшие хозяева — он, она и дочка лет двадцати. Кормят на убой — «да вы кушайте, кушайте, Бог знает, что вас ждет впереди»… И мы не отказывались. Мы — это я и начхим нашего полка Папушин. После Оскола мы потеряли друг друга и встретились только в Сталинграде. Из офицерской толчеи военкомата вырвался вдруг какой-то небритый, заросший, загорелый, с облупленным носом, босой человек и бросился мне в объятия. Оказалось, начхим. Взвод свой, конечно, растерял, до Сталинграда добрался, как и я, то на попутных, то пешком, сапоги кто-то спер. Вот и явился сюда требовать новые. Но дали ему их только через неделю, когда мы попали в резерв. А до этого довольствовался подарком нашего милого хозяина — сандалиями. Вид был довольно забавный — на шее два кубика, на боку пистолет ТТ, а на ногах растоптанные сандалии начала века.

Болтались мы в резерве фронта довольно долго. Занимались шагистикой, изучением уставов, но больше дремали. Проснувшись, одолевали начальство, чтоб куда-нибудь в конце концов направили. Ответ был один: «Когда надо, тогда и направим. Кругом, шагом марш!»

В свободное от занятий время ходили на Волгу, бултыхались в ней, насквозь пропахшей нефтью, стирали трусы и портянки. Обмундирование, конечно, отобрала у нас хозяйка, что там ни говори, вшей было порядочно.

Так шли дни. Один, как другой. Где-то западнее Сталинграда шли бои, иногда прилетали фрицы, но их быстро отгоняли. В сводках Информбюро одно и то же — тяжелые бои в излучине Дона, подбито столько-то танков, сбито столько-то самолетов…

Как-то вечером, возвращаясь из Дома Красной Армии — там была неплохая библиотека, столкнулся нос к носу с Ленькой Серпилиным, старым другом еще по профшколе, а потом и по институту. Стал газетчиком, военным корреспондентом «Правды Украины» — киевской, добравшейся и осевшей сейчас в Сталинграде.

Где-то мы достали пол-литра — при желании и деньгах, а они у него были, в тылу достать можно было, распили где-то в скверике и всю ночь пробродили по площади Павших Борцов, вдоль Волги, до памятника Хользунову и обратно, обсуждая сложившуюся ситуацию.

— Плохи наши дела, — говорил все всегда знавший Леня. — Пахнет тем, что закругляемся. Дерутся наши части там, на Дону, героически, но с техникой швах. И не хватит ее, и куда нашим «ишакам» с «мессерами» тягаться. И танки эти, «валентины» и «шерманы», в подметки немецким не годятся. Плохи дела, плохи… Читал приказ 227? Там тов. Сталин прямо говорит: «Красная Армия потеряла любовь и уважение народа». Там же и про заградительные отряды. Ты сталкивался с ними?

— Нет, не слыхал…

Расстались мы где-то уже под утро. Последние слова Леньки были совсем уже страшными:

— А может, не Красная Армия виновата, а? Может, кто-то повыше?

На этой невеселой ноте мы и распрощались. Встретились опять через год, уже на Украине, в селе Марковка, куда перебазировалась их редакция. А я лежал в медсанбате. На этот раз мы уж сняли оборону — Сталинград был позади… Но тогда, в ту ночь, были мрачные тучи…

23 августа немцы прорвались к Волге. В районе Рынка, севернее Тракторного завода. В этот же день они с воздуха почти полностью уничтожили город.

Жили мы тогда уже не у милых наших хозяев в домике, увитом виноградом, а в пустующем пятиэтажном напротив вокзала. Почему-то в этом самом для авиации привлекательном месте расселили всех нас, офицеров резерва.

В этот день 4-й воздушный флот барона Рихтгафена не пожалел ни сил, ни бомб. Они сыпались беспрестанно в течение трех, четырех, а может, и пяти часов. Сначала видны были косяки «юнкерсов» и «хейнкелей», потом все затянуло дымом. Посреди дня наступила ночь, как во время солнечного затмения. Кругом все рвалось и рушилось. Мыслей в голове никаких. Очевидно, конец…

Но теперь-то мы уже знаем, это было только началом. Город практически был уничтожен, но в развалинах остались еще бойцы. И если не они, то только благодаря им другие через пять месяцев водрузили Красное Знамя на вершине Мамаева кургана.

Вечером того же дня, 23 августа, я откомандирован был на тракторный завод, готовить его к взрыву.

1982 ■